

DOI 10.25991/AE.2019.82.16.004
УДК 37 (091)

Л. В. Гурленова, Б. А. Данилов

Гурленова Людмила Викторовна — доктор филологических наук, профессор,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
Данилов Борис Анатольевич — аспирант,
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

РЕФЛЕКСИЯ НА СОВЕТСКИЙ ДИСКУРС (М. БУЛГАКОВ И В. СОРОКИН)

В статье проводится сопоставительный анализ творческого пути М. Булгакова и В. Сорокина в контексте этапов советской эпохи. Исследуется рефлексия писателей на советский дискурс в таких аспектах, как влияние советского образа жизни на человека и общество, художественные и научные идеи эпохи и отражение этого в произведениях, др. К исследованию привлекаются многочисленные художественные тексты писателей (М. Булгаков: рассказы и повести, роман «Мастер и Маргарита», В. Сорокин: прозаические и драматургические произведения «Норма», «Очередь», «Дети Розенталя», др.). Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что критическое восприятие советской эпохи моделировало в творчестве писателей схожие идейно-художественные решения при сохранении ярко выраженной индивидуальности каждого.

Ключевые слова: идеологическая система, рефлексия, советский дискурс, художественный эксперимент, повествовательная тактика.

L. V. Gurlenova, B. A. Danilov

REFLECTION ON SOVIET DISCOURSE (M. BULGAKOV AND V. SOROKIN)

In this article comparative analysis of M. Bulgakov's and V. Sorokin's creative way in the context of the stages of the Soviet era is carried out. Writers' reflection on soviet discourse is investigated with such aspects as influence of the Soviet existence on man and society, artistic and scientific ideas and reflection of it in their works and others. Numerous fictions of writers attracted to the study (M. Bulgakov: short novel and novellas, novel "The Master and Margarita", V. Sorokin: prose and dramatic works "The Norm", "The Queue", "The Children of Rosenthal" and others). The study allows us to conclude that the critical perception of the Soviet era modeled in the work of writers similar ideological and artistic solutions while maintaining a pronounced individuality of each.

Keywords: ideological system, reflection, Soviet discourse, artistic experiment, narrative tactics.

Писательское наследие таких авторов, как М. А. Булгаков и В. Г. Сорокин, на первый взгляд, имеет мало общего в предмете изображения и художественных решениях. Названные писатели представляют разные исторические эпохи страны, разные литературные направления, однако при более пристальном рассмотрении между ними обнаруживаются многие точки схождения, объясняющиеся типологическим характером объекта изображения и художественных решений. Общее проявляется в отображении в их произведениях схожих культурно-общественных явлений эпохи, а также в формах авторской рефлексии и, в конечном итоге, в характере мировосприятия этих писателей.

Сопоставляя движение их творческого пути, можно сделать ряд интересных наблюдений:

1. Булгаков и Сорокин начали свое писательское творчество как авторы критической направленности, что выразилось у Булгакова в форме фельетонов и юморесок, а у Сорокина в форме соц-артовских текстов.

2. У обоих авторов особое место в творчестве занимает драматургия, культура театра. Увлечение драматургией способствовало формированию и развитию в их творчестве мотивов, тем, тактик повествования, которые в дальнейшем стали структурно-образующими в творчестве писателей. Таким образом, театр как площадка для реализации драматургиче-

ского текста стал подспорьем для творческого развития, реализации эксперимента в области прозаической формы текста, что в итоге вывело писателей на другой уровень художественного мастерства.

3. Авторская рефлексия на окружающую действительность формировалась сквозь призму схожих для их времени культурно-интеллектуальных представлений о мире и искусстве слова.

4. Оба писателя под влиянием эпохи проявили интерес к теме научного эксперимента и его влияния на устройство общества, что способствовало появлению в их творчестве типажа ученого; оба остро поставили вопрос об ответственности научной и творческой интеллигенции перед обществом.

5. М. Булгаков и В. Сорокин попытались понять актуальные явления общественной жизни через призму исторического представления, что выразилось в повествовательной тактике совмещения или сопоставления различных временных пластов истории. Оба автора, например, связали в фантастической форме современную им эпоху с фигурой Ивана Грозного.

6. Негативное восприятие действительности писателями во многом объясняется осознанием ими порочности природы общества. Данное восприятие отображено в текстах авторов, где превалирующим является деструктивная, негативная сторона человеческого существования. В попытке рассмотреть,

изучить данную сторону явления авторы обращаются в своем творчестве к теме зла как к источнику и связующему звену человеческого существования. Булгаков и Сорокин по-разному подходят к ее рассмотрению, обращаясь к разным ее проявлениям, например: зло — как насилие у Сорокина, зло — как inferнальная сущность у Булгакова. Оба автора приходят к постановке вопросов метафизического характера о сути существования.

Перечисленные выше типологические сходжения не просто встречаются в текстах авторов, но появляются в них в относительно схожей хронологической последовательности, в зависимости от перехода от одного творческого этапа к другому. Как правило, они проявляются в содержательном наполнении текстов, особенно в моменты негативного, недоумевающего восприятия героем или читателем абсурдистской жестокости, которая разворачивается в повествовании.

Объяснение схожести столь формально различных авторов можно найти в объекте их интереса — окружающей советской действительности. Во многом время, в котором жили авторы, оказывается в их текстах на удивление схожим по своему характеру. М. А. Булгаков жил в не самое простое время в жизни страны, и писательская деятельность для доктора Булгакова, справедливо предположить, была средством постижения, осознания мира, который его окружал, в том числе средством для вполне естественного стремления понять себя в этом мире. Для молодого писателя В. Сорокина это стремление было актуально не менее, только вызвано было уже другим импульсом, а именно — творческого преобразования, концептуалистского, одновременно ироничного, понимания действительности. Тем не менее, в случае Сорокина этот импульс был естественным порождением эпохи «застоя», долго накапливавшейся реакции на идеологический контроль государства над культурной и общественной жизнью страны. В дальнейшем писатель постмодернист Сорокин стал писателем метафизической ориентации, что неоднократно давал понять в своих интервью. Подобное понимание автора постепенно формируется в научной и критической среде, что иллюстрирует беседа А. Гениса с литературоведом М. Липовецким «Сорокин: мастер русской метафизики» [8].

Схожесть общественно-политической ситуации в стране начала и конца 20 века сформировала схожие условия для творческого развития авторов.

Булгаков жил в непростое время, материалом его текстов были явления, порожденные этой эпохой. Аналогичное можно увидеть в творчестве В. Сорокина по причине схожести историко-культурного контекста эпохи: крушение страны, активное развитие массовой культуры. Отражение эпохи реализовалось в негативных по авторскому умонастроению текстах с преобладанием фантазмагорического по своему характеру повествования, объясняющемуся болезненным пониманием окружающей действительности — советского общежития.

Под советским общежитием подразумевается советская действительность как социокультурный феномен, как некая точка схождения процессов, характерных для эпохи. Данный феномен неоднороден во времени и пространстве, т. к. писатели жили в различные его периоды. Однако вызывает интерес схожесть названного явления у Булгакова и Сорокина в связи с тем, что данный феномен представлен в их творчестве в историческом движении — в начале своего становления и в момент его постепенного и окончательного завершения.

Этап в творчестве М. Булгакова, связанный с созданием «Мастера и Маргариты», отобразил в тексте романа эпоху НЭПа — политику использования элементов рыночной экономики в формировавшемся тогда советском обществе. Раннее творчество В. Сорокина, реализованное в таких текстах, как «Очередь», «Норма», «Первый субботник» [5], совпало со временем формирования эпохи Перестройки, когда в стране постепенно вводили элементы рыночной экономики, тем самым способствуя изменениям в культурной жизни общества. Данное схождение связано с началом и концом советского времени, тем не менее оно свидетельствует о наличии характерных для разных эпох схожих нервных узлов и проблем, что объясняет наличие некоторого общего в художественной картине мира разных авторов.

Важным общим моментом в творчестве М. Булгакова и В. Сорокина является отображение в произведениях существования человека и общества под воздействием советской системы. Под советской системой подразумевается власть идеологического, бюрократического аппарата, определяющего законы существования общества. Реальность в текстах писателей зачастую воспроизводится в изображении физиологического аспекта существования персонажей — через внимание к физиологическим особенностям и потребностям человека, а затем, в более широком плане — в изображении устройства бытовой стороны жизни советского общежития. Система проявляется через такие аспекты, как цензура, диктат и контроль государства и идеологической пропаганды над жизнью страны. Следует отметить наличие внимания Булгакова и Сорокина к ритуальному характеру советской жизни (М. Булгаков «Собачье сердце» [7], В. Сорокин «Первый субботник» [5]). Таким образом, Булгаков и Сорокин выявляют свойства окружающей действительности через рассмотрение взаимодействия реальности и системы.

Одной из тактик выявления качественных характеристик окружающей действительности у обоих авторов является характерное для модернистской и постмодернистской парадигмы в литературе активное создание текстовой реальности с помощью аллюзий и реминисценций к другим текстам литературы. В произведениях М. Булгакова такая тактика хоть и не была для него универсальной, но, проявившись в таком раннем тексте, как «Похождения Чичикова» [7], она начала развиваться и стала

одной из основополагающих в таком произведении М. А. Булгакова, как «Мастер и Маргарита». В творчестве В. Сорокина на протяжении всех его этапов данная тактика стала центрообразующей в повествовании, что объясняется двумя обстоятельствами: постмодернистской природой его творчества и пониманием советского общежития как некоего культурного феномена, симулякра, образованного идеологическим, и в частности, литературным дискурсом. В итоге, в процессе развития писательского пути авторов данная повествовательная тактика приобрела иное качественное основание, трансформировавшись в принцип отображения мира — формирование текстовой реальности по принципу историко-временной взаимосвязанности. Примером подобной трансформации являются тексты М. Булгакова «Иван Васильевич» [7], «Мастер и Маргарита» [2] и тексты В. Сорокина «День Опричника», «Метель», «Голубое Сало» и т. д. [5].

Как отмечалось выше, оба автора начинали как писатели критической направленности, осознававшие действительность как дисгармоничное явление. Ранее творчество М. Булгакова повествует о герое, дезориентировавшемся перед абсурдистской жесткостью окружающей реальности («Записки юного врача», «Морфий», «Записки на манжетах», «Театральный роман» и др. [8]). Зачастую они автобиографичны, характер понимания героями произведений происходящего свидетельствует о наличии метафизического спектра восприятия действительности и авторским сознанием («Дьяволиада» [7], «Мастер и Маргарита» [2]).

Ранние тексты Сорокина, как в целом и все его творчество, отражают отсутствие серьезного авторского внимания к личности героя, но демонстрируют интерес к организации советского общежития, являющегося порождением советской системы; персонажи Сорокина имеют схематический, номинально-дискурсивный характер. Сорокина как писателя занимают явления, которые порождает советское общежитие, специфика его особенностей. Уже в заголовках таких текстов, как «Очередь», «Норма», можно увидеть вопрос, который задает себе автор: что такое очередь? Что такое норма? При этом сами эти вопросы имеют табуированный, сакральный статус: вопросы, которые нельзя задавать и на которые персонажам нельзя ответить¹. Очередь трактуется автором как естественная самоорганизующаяся материя советского общества, а норма — как инструмент табуирования, воздействия тотального контроля и насилия над личностью. В этом стремлении понять и охарактеризовать закономерности советского общежития Сорокин с Булгаковым пересекаются.

На более зрелом этапе своего творчества М. А. Булгаков создает тексты фантастическо-утопического характера, такие как «Роковые яйца», «Собачье сердце» и др., где на передний план выходит тема общественно-научного эксперимента, фигура ученого и последствия его «научных» опы-

тов. Данные произведения были написаны в то время, когда в советской литературе активно стало развиваться научно-фантастическое направление, участники которого поставили задачу оценить, в том числе критически, окружающую реальность как результат развития идей Октябрьской Революции, выражающих пафос научно-технического прогресса. Вследствие этого тема научного эксперимента приобрела актуальность. По «иронии судьбы» в творчестве В. Сорокина после развала Советского Союза данная тема также вышла на передний план, развивалась в рамках соц-артовского иронического пафоса. Например, в драматургии Сорокина, в которой встречаются наименования и пьеса и анти-пьеса (жанровая форма, лишь формально сохраняющая художественные особенности пьесы), одной из ведущих становится тема эксперимента по созданию нового человека, новой реальности («Юбилей», «Дети Розенталя» и др.). Не зря же сборник его драматургических текстов называется «Капитал»: как выражение иронии по поводу идей создания светлого будущего с помощью научно-технического развития. На первый взгляд, авторские оценки этой темы у Сорокина и Булгакова различны, но оба автора критически подходят к ее рассмотрению, не уходя в свойственный советской литературе оптимизм. В итоге они выявляют негативные явления и тенденции, существующие в самой социальной реальности, которые невозможно устранить никаким научным экспериментом, более того, можно лишь ухудшить ситуацию.

Актуализация этой темы у В. Сорокина совпала с развалом Советского Союза, тем самым подводя итоги развития темы научного эксперимента в советской литературе, в том числе и в творчестве М. А. Булгакова. Булгаков и Сорокин находят схожие способы отображения процессов, происходящих в действительности. В творчестве Сорокина характер реализации данной темы можно оценить как соц-артовскую реакцию на произошедшее с «советским общежитием», но, с другой стороны, в своих художественных текстах автор начал изображать и последствия развала страны. В связи с этим соц-артовская ориентация постепенно стала отходить на второй план, окончательно уступив место концептуалистскому и метафизическому восприятию действительности. Тем самым из темы научного эксперимента как наследия советской литературы «вырос» интерес Сорокина к формам существования будущего, что выразилась в его антиутопических по своей направленности текстах, все еще во многом сохранявших иронический пафос.

Разработка темы научного эксперимента повлияла и на характер миропонимания Булгакова, придав ему историсофский смысл, что выразилось в его главном романе «Мастер и Маргарита» [2]. В этом романе предпринята попытка осмысления и художественного изображения механизма существования действительности. Историко-культурная временная взаимосвязь, выраженная через сопо-

ставление разных историко-временных пластов и аллюзий на другие тексты мировой литературы, дала возможность объединить многие темы и вопросы, которые уже были заявлены автором в других его произведениях, и представить их внутреннюю взаимосвязь. Обращение к такой тактике закономерно в ситуации, когда автор стремится уловить причины и отыскать ответы на вопросы, появляющиеся в столь насыщенное и неоднозначное время в жизни страны. Позднее творчество Сорокина в данном случае аналогичным способом устремлено к попытке уяснить механизм существования тех явлений, которые в значительной степени влияют на жизнь общества и человека и могут кардинально ее изменить.

У обоих авторов отчетливо проявляется интерес к пониманию места зла в жизни человека, но результаты осмысления этого явления у них различаются: по Булгакову, зло инфернально, имеет натурфилософский характер — оно естественно, вечно, осмысливается в традициях идей Гете; по Сорокину, зло проявляется в насилии, этим объясняется авторский интерес к этому явлению [6]. Можно сказать, что зло в понимании Булгакова имеет общечеловеческий и вневременной характер; Сорокин же находит ответ как будто близкий Булгакову, понимая зло как нечто метафизическое, что существует вне зависимости от системы, но раскрывается в ней. Неоднократно в своих интервью Сорокин подчеркивал свой интерес к теме зла и к метафизической природе цивилизационных процессов в России, связывая их с географией и историей [3], что выразилось в таких текстах, как «Метель», «День Опричника» и др.

Чтобы раскрыть и передать сущность метафизического характера общественных явлений, В. Сорокин, как и М. Булгаков, обратился к тактике совмещения временных пластов повествования. Сценарии прошлого «перетекают» в будущем, трансформируясь, изменяясь, но проявляя характерные свойства тех явлений, которые существуют постоянно на протяженном промежутке времени. Так, Сорокин выявил метафизику власти в России, воплощенную в Опричнине («День Опричника» и «Сахарный Кремль»), метафизику случая в повести «Метель». Зло — как метафизическое по своему характеру явление — раскрывается как следствие естественной человеческой зависимости от места, физиологических потребностей, конфликта стремления к власти и свободы от дискурсивного диктата.

Интересно, что свобода от дискурса у булгаковского Мастера является одним из его желаний, которое Булгаков описывает как освобождение через смерть; эта же тема характерна для прозы Сорокина [1]. Фигура Мастера в целом характерна для творчества М. А. Булгакова, и можно с уверенностью утверждать, что во многом является alter ego писателя в силу не только схожести многих деталей романа с биографией самого автора, но и с учетом его повышенного внимания на протяжении всего творчества к образу Мастера. До появления романа

образ интеллигента, который в силу обстоятельств смиряется с реальностью, не дающей ему спокойно жить, появился еще в ранних текстах автора. Постепенно образ начал приобретать черты Мастера, трансформируясь от юного врача (Записки юного врача) к писателю, в том числе драматургу («Записки на манжетах», «Театральный роман»), к мыслителю и художнику («Мастер и Маргарита»). С этим же связано движение образов от непонимающего ситуацию («Записки юного врача», «Морфий») к возмущающемуся ею (Театральный роман), к принявшему и «сошедшему с ума», что выразилось в эскапизме и мирозерцательном характере восприятия реальности, в философском его осмыслении («Мастер и Маргарита»). На протяжении творческого пути Булгакова можно наблюдать его стремление к размеренной, сосредоточенной работе, свободной от диктата извне и направленной на свободное авторское самовыражение. Булгаков понимает художника как идущего по определенному жизненному пути, через творчество постигающего важные жизненные истины. Такое понимание близко к модернистскому восприятию жизнотворчества и в целом характерно для русской классической литературы, но выносит на первый план понимание художника как особого психосоматического типа, для которого творчество является естественной потребностью существования.

Схожее понимание можно наблюдать и у В. Сорокина, который неоднократно подчеркивал психофизиологические основания творчества — как некой потребности [4]. В рамках этого можно понять, что радикальный, даже агрессивный, пафоссорокинской деконструкции был связан со стремлением освободиться от тотального контроля литературного дискурса ради насыщения чувством авторской вседозволенности [4]. При этом, разрушая власть литературного дискурса, Сорокин расчищал себе область для наблюдений над явлениями, которые его пониманию имеют методологический (метафизический) характер.

Это стремление к авторской автономности как некоторой естественной модели существования в целях осмысления основополагающих явлений действительности во многом объединяет представленных авторов и объясняет схожесть их писательской ориентации, некоторых типологических сходений в восприятии советского общежития и окружающей действительности в целом. Это можно понять как некую общую особенность в развитии русской литературы XX–XXI вв. Условия, сформировавшие Сорокина как писателя, во многом схожи с теми, что оказывали воздействие на формирование творческой позиции Булгакова, на его эволюцию от писателя-сатирика к писателю-мыслителю.

Исследование, проведенное в рамках настоящей статьи, позволяет сделать следующие выводы:

1. Фигуры М. А. Булгакова и В. Г. Сорокина являются некими точками, которые отображают трансформацию писательского подхода к понима-

нию советского общежития как социума в литературном процессе XX — XXI столетия: от писателя-реалиста сатирической направленности к писателю-мыслителю в случае с Булгаковым, от писателя-постмодерниста критической направленности к писателю-метафизику в случае с Сорокиным.

2. В текстах Булгакова и Сорокина отобразились специфические черты процесса советской литературы, заключающиеся в схожести художественных реакций на типологически близкие процессы, происходящие в эпоху формирования советского государства и советской литературы (творчество М. Булгакова) и в момент завершения их существования (творчество В. Сорокина).

Примечания

1. Этот тезис иллюстрирует сцена из романа «Норма», где мальчик пытается понять, что такое норма, но в результате его понимание сводится к фетишизму его родителей, воспринимающих норму как ритуал, чей смысл не дано постичь обычным смертным:

«— Мам, а зачем ты какашки ешь?

— Это не какашка. Не говори глупости. Сколько раз я тебе говорила?

— Нет, ну а зачем?

— Затем. — Ложечка быстро управлялась с податливым месивом.

— Ну, мам, скажи! Ведь невкусно. Я ж попробовал. И пахнет какашкой.

— Я кому говорю! Не смей!» [9]

Литература

1. Беневоленская Н. Владимир Сорокин и ритуальное действие в его прозе // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2010. № 3. Серия 9. С. 7–11.
2. Булгаков М. Мастер и Маргарита [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.net/books/bulgakov_mihail_afanasevich/master_i_margarita/read
3. Владимир Сорокин: «Для писателя Россия — Эльдorado» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.timeout.ru/msk/feature/14452>
4. Владимир Сорокин: самое скучное — это здоровые писатели [Электронный ресурс]. URL: <https://www.srkn.ru/interview/vladimir-sorokin-samoe-skuchnoe-eto-zdorovye>
5. Владимир Сорокин: тексты [Электронный ресурс]. URL: <https://srkn.ru/texts>
6. Марусенков М. П. Абсурдопедия русской жизни Владимира Сорокина. Заумь, гротеск и абсурд. СПб.: Алетейя, 2012. С. 10–11.
7. Михаил Булгаков: тексты [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/BULGAKOW/>
8. Сорокин: мастер русской метафизики: беседа А. Гетиса с литературоведом М. Липовецким. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/29218770.html>
9. Сорокин В. Норма [Электронный ресурс]. URL: https://www.srkn.ru/texts/norma_part4.shtml